
И. Э. МАГАДЕЕВ

**«ГЕРМАНИЯ ГОТОВА НАПАСТЬ В ЛЮБОЙ
МОМЕНТ...» ВОСПРИЯТИЕ ГЕРМАНСКОЙ
УГРОЗЫ ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЕННЫМИ
В 1920-е ГОДЫ**

Рассматривается малоизученный в отечественной литературе вопрос о восприятии угрозы со стороны Германии французскими военными в 1920-е годы. В центре внимания – механизм селекции угроз и реагирования на них. По мнению автора, работа данного механизма была обусловлена не только особенностями военно-технической организации системы французской безопасности, но и спецификой социально-культурных, психологических стереотипов и установок. В заключение предлагается общая модель отбора и реагирования на угрозы безопасности.

Ключевые слова: безопасность, французские военные, мобилизация, угроза, разоружение.

Безопасность – это проблема меры и степени. Мало кто станет спорить, что обеспечить полную и тотальную безопасность отдельного субъекта, а тем более государства, невозможно (Baldwin 1997: 15). Как справедливо отмечают британские политологи Г. Эванс и Дж. Ньюнхэм, это «относительное понятие», для анализа которого скорее подходит шкала «больше/меньше», нежели бинарная оппозиция «да/нет» (Evans, Newnham 1998: 490).

Невозможность обеспечения тотальной безопасности ставит перед государством, а также перед элитами проблему селекции угроз (какие явления можно считать угрозами, а какие – нет), а также определения временного интервала реагирования на них (в краткосрочной, среднесрочной или долгосрочной перспективе). В различные исторические периоды и различными элитами данные проблемы решались по-разному.

Завершение Первой мировой войны не сопровождалось психологическим облегчением – скорее, в сознании европейцев преобладало убеждение, что наступила лишь временная передышка. Харак-

терно в этом плане настроение французских военных. *Что* же воспринимали они в качестве угроз безопасности Франции в 1920-е годы и *как* планировали реагировать на них? На примере французских военных мы можем увидеть, сопровождалось ли формально-юридическое завершение войны (Компъенское перемирие 1918 года и мирные договоры 1919–1920 годов) ее психологическим окончанием в умах современников.

На протяжении 1920-х годов представления военных о германской угрозе безопасности Франции в целом отличались стабильностью. Угроза представляла в трех основных формах: неожиданное нападение германской армии; нарушение Германией ограничений по вооружениям; подготовка со стороны германского руководства населения к будущей войне.

Неожиданное нападение германской армии

Опасения по поводу возможного нападения Германии существовали у французских военных на протяжении большей части 1920-х годов. В марте 1920 года маршал Ф. Фош, глава Версальского союзного комитета, занимавшегося вопросами разоружения Германии, писал: «Германия ни разоружена, ни лишена возможности провести мобилизацию... Германия имеет возможность незамедлительно сформировать вооруженные силы, превосходящие те, которые можем выставить мы. Если бы военный переворот 13 марта (так называемый Капповский путч. – *И. М.*) удался, Германия могла бы атаковать нас с явными шансами на успех. Я повторяю, что наше военное положение в отношении Германии является одним из наиболее опасных» (DDF 1997: 396). В апреле 1920 года о серьезной угрозе германского наступления в Прибалтике (в направлении на Мемель) писал генерал Ш. Нолле, глава Межсоюзнической контрольной комиссии в Германии (*Ibid.*: 519–520). Схожие мысли в 1927 году в секретном докладе выразил генерал Ж. А. Бриссо-Демайе, командующий французскими войсками в Сааре. Он нарисовал устрашающую картину: французскую армию в свете принятия новых законов о сокращении численности и срока службы ожидает упадок, в то время как могущественная германская армия может напасть в любой момент (Ott 2007: 183).

Эти опасения объясняются несколькими причинами. В-первых, факторами, связанными с особенностями французской во-

енной системы. Во-вторых, их сравнительными оценками собственной армии и армии Германии. В-третьих, их общими представлениями о том, кто такие немцы и чего от них стоит ожидать.

Основой военной организации Франции являлась система «вооруженной нации», предполагавшая опору на широкие массы резервистов – бывших призывников. Как говорил генерал Э. Аллео, «...при французской военной системе государственная оборона покоится главным образом на массе мобилизуемых запасных дивизий» (Аллео... 1936: 126). По этой причине процесс мобилизации и связанные с ним особенности имели для военной безопасности Франции поистине судьбоносное значение.

Одним из следствий системы «вооруженной нации» было то, что в целом полк мирного времени не менее чем на 50 % состоял из призывников. В ходе мобилизации этот полк трансформировался. Трансформация происходила по «утраивающему механизму», созданному законами 1927–1928 годов о новой численности армии, ее организации и сроке службе в один год. По этому механизму один полк мирного времени служил основой для формирования трех полков армии военного времени: действующий полк, резерв «А», резерв «В». Если в первом типе полка доля профессиональных военных и так называемых *disponibles* (отслужившие солдаты трех последних призывов) была максимальной, то в последнем, напротив, основной контингент составляли призывники (до 75 %) (NAGB PRO, CAB/24/220).

Ключевыми последствиями введения «утраивающего механизма» были следующие факты. Во-первых, французская мобилизация была медленной. Через 3 месяца после ее объявления количество французских дивизий на поле боя составило бы 48, тогда как, к примеру, Италия, имеющая армию мирного времени меньшую, чем Франция, могла мобилизовать через те же 3 месяца 60 дивизий. По сути, французское численное преимущество могло быть реализовано только спустя 6 месяцев, когда будет отмобилизовано 76 дивизий (*Ibid.*). Во-вторых, французская мобилизация была поэшелонной. Как отмечали профессионалы, «французская военная система дает маломаневренную армию, посредственно обученную, посредственно снабженную кадрами, медленно мобилизующуюся, обреченную вследствие поэшелонной мобилизации на бросание ее

в бой по частям...» (Аллео... 1936: 128). В-третьих, сложный процесс трансформации полков мирного времени в полки военного времени приводил к тому, что французская армия могла предпринимать какие-либо эффективные действия (как в обороне, так и в наступлении) лишь после полной мобилизации (Орт 2007: 206).

Во время мобилизации часть французской армии обеспечивала безопасность так называемого прикрытия (*couverture*), необходимого для «безопасности концентрации и стратегического перемещения наших армий с целью обладания ими инициативой на оперативном уровне» (Les opérations... 1924: 36). Обеспечение прикрытия было одной из ключевых задач тех частей, которые состояли преимущественно из профессиональных военных (Rebour 1925: 575). До эвакуации французскими войсками Рейнской области в 1930 году функцию прикрытия выполняли оккупационные войска на Рейне, после 1930 года основой для ее осуществления становилась система фортификационных сооружений на французской границе – так называемая линия Мажино.

Особенности мобилизации французской армии и связанные с нею угрозы объясняют, почему французские военные воспринимали опасность неожиданного нападения со стороны германской армии в рамках двух базовых сценариев. Первый основывался на идее о том, что германская армия могла захватить ключевые стратегические пункты, в том числе предмостные укрепления («тет-де-поны») на Рейне в день объявления войны, т. е. в момент военной слабости Франции, не имеющей полностью отмобилизованной армии (NAGB PRO, CAB/24/220). Второй сценарий предполагал германское наступление, которое было бы направлено на срыв операций прикрытия, ведь «если прикрытие рухнет, то вместе с ним рухнет все» (Аллео... 1936: 145). Первый сценарий был связан с пониманием французскими военными угроз медленной и поэтапной мобилизации французской армии, второй – с их оценкой ключевой роли прикрытия в процессе мобилизации.

Однако подобное восприятие германской угрозы сложно объяснить исключительно причинами военно-технического характера. Даже при беглом сравнении армий Германии и Франции в 1920-е годы опасения французских военных выглядят весьма странными. Как известно, по Версальскому договору численность германской ар-

мии была установлена в 100 тыс. человек, ей было запрещено иметь танки, тяжелую артиллерию, авиацию и т. д. При этом французская армия (не считая частей, дислоцированных в колониях и подмандатных территориях) насчитывала в 1920–1930 годах от 608 до 319 тыс. человек (Corvisier 1992: 337, 343, 354), имела мощную авиацию, танки, артиллерию и представляла собой, по словам фельдмаршала Дж. Милна, главы Генерального штаба Британской империи, «самую грозную военную машину в мире» (NAGB PRO, CAB/24/220). Так в чем же причина?

Французские военные вряд ли бы согласились с вышеприведенной оценкой Милна. По отношению к собственной армии, созданной законами 1927–1928 годов, они были настроены в лучшем случае скептически. Они считали, что срок службы в один год был недостаточен для получения призывниками навыков, необходимых в современной войне, особенно тех, которые были необходимы для участия в наступательных операциях. Как писал маршал А. Петен, вице-президент Высшего военного совета, военному министру А. Лефевру в июне 1920 года, срок службы менее двух лет станет ошибкой, «последствия которой будут неисчислимы» (цит. по: Онг 2007: 88). Усложнение технических средств, все большие требования, предъявляемые к моральным и физическим качествам призывников, необходимость обеспечения их слаженных и скоординированных действий на поле боя – все это находилось, по мнению французских военных, в противоречии с сокращением срока службы (Магадеев 2010а: 69–76).

Стоит учитывать и то, что за подобной аргументацией по поводу однолетнего срока службы скрывались причины не только военно-технического, но и социально-культурного и психологического порядка. Французские военные, опасавшиеся распространения среди призывников пацифистских взглядов и коммунистической пропаганды (Он же 2010б: 96–103), считали необходимым «перевоспитать» призывников, пришедших из гражданского общества, чуждого военным ценностям и нормам. Условиями «перевоспитания» были необходимый срок службы (не менее двух лет) и соответствующее количество профессиональных военных, одной из главных функций которых являлось именно обучение призывников (Rebour 1925: 575). Таким образом, резюме французских военных по пово-

ду собственной армии было весьма печальным: эта армия состоит из слабо подготовленных и часто политически неблагонадежных призывников, неспособных на наступательные действия.

Один из важнейших поводов для опасений наступления со стороны Германии заключался в том, что французские военные связывали наступательные возможности армии не только с уровнем ее технического обеспечения и численностью, но и с особенностями личного состава и системы комплектования. С их точки зрения, лишь та армия, в которой высока доля профессиональных военных, способна к наступательным действиям (Kier 1996: 209–213).

Германская армия была в этом отношении практически идеальна: по Версальским постановлениям она была полностью профессиональной, т. е. состояла из военных с длительными сроками службы. Еще в 1919 году во время обсуждения военных постановлений Версальского договора маршал Фош предлагал сохранить для личного состава германской армии срок службы в один год. Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж считал, что Фош не хотел тем самым чрезмерно ослаблять германскую армию, дабы всегда иметь возможность сослаться на угрозу с ее стороны. Учитывая, что Версальский договор фактически связал разоружение Германии с будущим разоружением других государств, прежде всего Франции и Великобритании, отказ Фоша от чрезмерного ослабления германской армии был, по мнению Ллойда Джорджа, предлогом для отказа от последующего разоружения французской армии (Ллойд Джордж 1957: 505). Однако с точки зрения британского премьер-министра сложно согласиться.

Позиция Ллойда Джорджа демонстрирует, насколько расходились британская и французская традиции анализа мощи и наступательных возможностей тех или иных вооруженных сил. В глазах британских военных и политиков, нормой для которых являлась профессиональная армия, символом милитаризма и агрессивной военной политики была армия, построенная на обязательной воинской повинности (Morgan 2009: 207–244). Значение срока службы в один год было для британских политиков иным, нежели для французских военных. Как писал член британской делегации в Подготовительной комиссии к конференции по разоружению А. Кэдоган в 1927 году, сокращение срока службы и одновременное увеличе-

ние числа профессиональных военных во французской армии несколько не снижает уровня подготовки солдат и их способности к наступлению (DBFP 1970: 302).

По мнению французских военных, срок службы в один год, из которого на обучение фактически оставалось не более 3 месяцев, не позволял подготовить призывников, отвечающих требованиям, предъявляемым к наступательным операциям. Для французских военных с наступательными и потенциально агрессивными действиями ассоциировалась не призывная, а профессиональная армия. Более того, как писал Фош, угроза профессиональной германской армии состояла и в ее способности сформировать в случае мобилизации военные кадры для массовой армии. Именно этим фактором он обуславливал необходимость ограничить ее числом в 100 тыс. человек (NAGB PRO, CAB/24/108). Для французской традиции «вооруженной нации» милитаризм ассоциировался с профессиональной армией. Именно эта коннотация стала, в частности, одной из причин провала инициативы Ш. де Голля в 1934 году по созданию механизированных дивизий, состоящих из профессиональных военных (де Голль 1935). Таким образом, угроза внезапной германской атаки была связана не только с потенциальными слабостями механизма французской мобилизации и осуществлением прикрытия, но и с системой взглядов французских военных на профессиональную армию.

Свою роль в ожидании внезапного нападения Германии играл и опыт осмысления событий начала Первой мировой войны. Германский план наступления в Бельгии летом 1914 года строился на идее о жизненной необходимости захвата Льежа до того, как его фортификационные сооружения будут приведены в полную боевую готовность. Основным средством осуществления этого замысла было наступление на Льеж практически в момент объявления войны (Van Evera 1999: 209). Иными словами, фактор внезапности и связанная с ним секретность военных приготовлений, о которых были слабо осведомлены даже германские политики, лежал в основе военных замыслов Германии в 1914 году. Возможность повторения внезапной германской атаки вызывала опасения у французских военных.

Третья группа причин, объяснявших, почему французские военные так опасались неожиданной германской атаки, состояла в их представлениях о том, кто такие немцы и чего от них стоит ожидать. Лорд Килмарнок, британский представитель в Межсоюзнической высокой комиссии в Рейнской области, хорошо уловил общее настроение: «Большое количество французов, особенно в военных кругах, убеждены в том, что новая война возможна, если не неизбежна. Те из них, кто находится на оккупированных территориях (в Рейнской области. – *И. М.*), являются частыми свидетелями инцидентов, которые демонстрируют им, что немец не изменился» (DBFP 1970: 422). Как отмечал анонимный французский военный в обзоре о разоружении Германии в 1919 году, «безопасность нашей страны не может быть основана на (пустых) надеждах» – «так называемая демократическая Германия» хочет разоружаться не больше, чем прусская армия в 1808 году (цит. по: Jackson 2004: 9).

Другим важнейшим тезисом французских военных была мысль о том, что лучшим средством «общения» с немцами является сила. Французский политик А. Тардьё выражал далеко не только свое мнение, когда настаивал в 1921 году: Германия понимает только силу (Тардьё 1943: 107). Убеждение в неизменности немца, которому нельзя доверять и который понимает только силу, – своеобразное клише, распространенное среди военных. Как говорил маршал Фош в интервью «Таймс» в апреле 1919 г., «национальный характер немцев не изменится в течение четырех лет. И через 50 лет они останутся такими же, что и сегодня» (цит. по: Ллойд Джордж 2009: 34).

Опыт общения с французскими военными в 1920-е годы, в том числе с оккупационными войсками на Рейне, накладывал свой отпечаток и на то, как молодые немцы начинали воспринимать французов. К. Фрицше, летчик люфтваффе во Второй мировой войне, вспоминал: «Еще до того, как пойти в школу, мы знали, что Версальский договор был позором для немецкого народа; что союзники навязанными нам репарациями уничтожили нашу экономику; что они отняли у нас почти 15 % территории; что наши вооруженные силы могли иметь в своем составе только 100 тысяч человек и не имели права содержать тяжелые орудия, танки и боевые самолеты».

ты. Мы знали, кто был кровным врагом Германии – французы...» (Фрицше 2009: 7–8). Иными словами, взаимоотношения французских военных и немцев характеризовались классическим «зеркальным восприятием» – ситуацией, при которой «антагонисты надеются друг друга одинаковыми “демоническими” характеристиками» (Evans, Newnham 1998: 329).

Психологические стереотипы французских военных по отношению к немцам были не последним фактором в выработке их представления о наиболее надежном средстве обеспечения безопасности Франции, а именно – постоянном поддержании подавляющего военного превосходства над Германией (Jackson 2004: 8). Любые действия, могущие поколебать это превосходство, также воспринимались как угроза.

Нарушение Германией ограничений по вооружениям и подготовка населения к будущей войне

Не меньшую тревогу, чем ожидание нападения германской армии, вызывали действия Германии, интерпретируемые французскими военными как нарушения ограничений по ее вооружениям. Безусловно, подобные нарушения имели место. Одним из ярких проявлений было военное сотрудничество с Советской Россией, затем СССР, о котором историки активно пишут в последние годы (Горлов 2001; Кантор 2009) и которое было известно французским военным в 1920-е годы (см. выступление военного министра Лефевра в Палате депутатов в 1920 году в: *Le Congres...* 1964: 71). Однако далеко не все факты, которые французские военные интерпретировали как действия Германии по приобретению запрещенных вооружений и наращиванию своего военного потенциала, были столь уж однозначны.

Хорошим примером в данном случае является отношение французских военных к развитию гражданской авиации в Германии. В целом они рассматривали это как потенциальную угрозу безопасности Франции. Идея основывалась на ряде допущений, которые разделялись далеко не всеми военными экспертами.

Во-первых, французские военные считали, что отличие гражданского самолета от военного не так велико и один достаточно быстро и легко может быть переоборудован в другой (NAGB PRO,

САВ/24/108). Такая позиция подталкивала французских военных к выдвижению весьма радикальных планов контроля над гражданской авиацией. На заседаниях подготовительной комиссии к Всеобщей конференции по разоружению они предлагали включить в проект договора о разоружении следующий пункт: государство, ощущающее себя под угрозой вследствие развития гражданской авиации другого государства, может потребовать пересмотра масштабов такого развития (DBFP 1970: 195). Фактически это было бы достаточно серьезным вмешательством во внутренние дела государства.

У идеи о том, что гражданский самолет мало чем отличается от военного, были как сторонники, так и противники. Например, к мнению, схожему с французским, склонялся в 1925 году государственный секретарь США Ч. Хьюз (NAGB PRO, САВ/24/171). Британские военные придерживались иной позиции. Как отмечал советский военный эксперт Е. И. Татарченко, «...в Англии твердо установился взгляд, что широкое развитие гражданской авиации имеет очень большое военное значение. Но англичане далеки от того плоского взгляда, который существует в некоторых других государствах, что это военное значение заключается непосредственно в самих воздушных судах или личном составе. Они хорошо понимают, что гражданский и боевой самолет в значительной степени разные вещи» (Татарченко 1923: 35).

Во-вторых, французские военные в большей степени, чем их британские коллеги, опасались масштабной подготовки германских пилотов для гражданской авиации. В частности, они всячески поддерживали ограничения, прописанные в соглашении с Германией от 22 мая 1926 года, в отношении государственных субсидий на развитие спортивной авиации и подготовку пилотов для нее (DBFP 1970: 19). Эти опасения были связаны с тем, что французские военные по сравнению с британцами считали намного меньшей ту профессиональную дистанцию, которая отделяет пилота-любителя от военного летчика (Barros 2003: 119).

В аналогичном ключе французские военные высказывали и опасения по поводу широкого распространения в Германии обществ по стрельбе, численность членов которых оценивалась в 420 тыс. человек. Как отмечалось в одном военном журнале, члены этих обществ

получали навыки стрельбы из карабина Маузера (6 мм), который был максимально приближен к модели боевой винтовки. Под видом занятий спортом немцы получали, по мнению французских экспертов, военную подготовку (Nouvelles... 1926: 254–262).

Отношение французских военных к спорту в Германии подводит нас к третьей (наряду с неожиданным нападением Германии и нарушением ею ограничений по вооружениям) потенциальной угрозе военной безопасности Франции – подготовке германским руководством населения к будущей войне. Спортивные ассоциации занимали существенное место в восприятии подобной угрозы французскими военными. Так, в феврале 1927 года генерал А. Гийома, командующий союзными оккупационными войсками в Рейнской области, потребовал роспуска всех клубов верховой езды на оккупированных территориях, считая, что они служат местом подготовки солдат для артиллерийских служб в будущей войне (DBFP 1970: 422).

Свой вклад в восприятие спортивных ассоциаций в Германии через призму угроз военной безопасности вносило и Второе (разведывательное) бюро Генерального штаба армии. В докладе конца 1921 года о спортивных ассоциациях Саарской области четко говорилось, что их члены представляют собой «армию» на случай войны. Как отмечает канадский историк А. Барро, идея была проста: «способствовать развитию спортивных ассоциаций – значит, способствовать германскому реваншизму» (Barros 2003: 115). Характерно и то, что Второе бюро включало в список расходов на армию не только статьи военного бюджета, но и суммы, выделяемые на «военную подготовку», куда входили, в частности, субсидии спортивным организациям и клубам спортивной авиации (*Ibid.*: 117–118).

Наряду со спортивной активностью в качестве подготовки населения к войне французские военные рассматривали деятельность различных организаций правого и националистического толка. Их численность достаточно серьезно завышалась. Так, в одной из статей 1926 года численность «Стального шлема» оценивалась в 2 млн. человек (Nouvelles... 1926: 255), тогда как, по подсчетам историков, она составляла 200–300 тыс. в начале 1927 года и около 500 тыс. человек в 1930 году (Schumann 2009: 159). Завышение

численности «патриотических» организаций сказывалось и на оценках общей численности германской армии в случае мобилизации. По мнению французского Генерального штаба, она составляла около 7 млн. человек, тогда как военное министерство Великобритании приводило цифру в 3,7 млн. (NAGB PRO, CAB/24/199). Всплески национализма в Германии лишь подкрепляли опасения французских военных по поводу степени германской угрозы. Ассамблея «Стального шлема» в Берлине весной 1927 года во время обсуждения вопроса о сокращении оккупационных войск в Рейнской области явно не способствовала смягчению позиции генерала М.-Э. Дебени, начальника Генерального штаба французской армии, выступавшего против сокращения (DBFP 1970: 286).

Мир меняется – военные все те же?

Стабильность представлений французских военных об основных угрозах безопасности со стороны Германии контрастирует, на первый взгляд, с изменениями в международной обстановке и франко-германских отношениях. Так, опасения, связанные с нарушениями Германией постановлений по разоружению и возможностью локальных вооруженных действий с ее стороны, явно были более обоснованными в 1920 году, нежели в 1927 году. Свое согласие с позицией Фоша о наличии непосредственной угрозы со стороны германской армии в апреле 1920 года выразил и Генеральный штаб британских войск (NAGB PRO, CAB/24/103). Наличие серьезной угрозы в Прибалтике со стороны оставшихся там войск германского генерала Р. фон дер Гольца подтверждал в декабре 1919 года и контр-адмирал В. Коуэн, глава британских ВМС в Балтийском море (NAGB PRO, CAB/24/96).

Наконец, что было наиболее важным, доводы военных в начале 1920-х годов представлялись достаточно убедительными французским политикам. Так, принимая решение об оккупации ряда немецких городов в Рейнской области (Франкфурт, Дармштадт и др.) в апреле 1920 года в ответ на ввод дополнительных контингентов германских войск в Рур для борьбы с коммунистическим восстанием, тогдашний председатель Совета министров Франции А. Мильеран писал, что эти действия обусловлены «военной необходимостью» (DDF 1997: 433–434). Тем самым он, по сути, принял тезис Фоша о том, что пропуск войск в Рур вблизи от французской гра-

ницы без соответствующих гарантий (которыми стала оккупация немецких городов) будет угрожать военной безопасности Франции (DDF 1997: 420–421).

К доводам военных прислушивался и председатель Совета министров Р. Пуанкаре, подготавливая в конце 1922 года решение о вводе французских войск в Рур, что стало началом Рурского кризиса в январе 1923 года. Поторапливая его с принятием данного решения, военный министр А. Мажино и президент Мильеран говорили о жизненной необходимости ввести войска в Рур до принятия закона о сокращении срока службы до 1,5 лет¹, который, по их мнению, делал проведение операции невозможным (Kieger 1998: 59).

Однако во второй половине 1920-х годов ситуация меняется. Как отмечает британский историк П. Джексон, «...лето 1924 года знаменует окончание периода доминирования военных в вопросах определения политики в сфере безопасности и начало эры, в которую определяющую роль стали играть функционеры из министерства иностранных дел с их политикой многосторонних пактов, основанных на международном праве» (Jackson 2008: 178). В июне 1924 года на встрече со своим британским коллегой Р. Макдональдом в Чекерсе премьер-министр Э. Эррио отметил: «Я не могу обсуждать вопрос о безопасности войск помимо маршала Фоша и генерального штаба... Парламент никогда не пойдет за мной, если я пойду по иному пути» (Эррио 1958: 194). Однако уже в 1925 году во время обсуждения деталей эвакуации Кельнской оккупационной зоны к мнению военных начинают прислушиваться все меньше (Никонова 1977: 299).

Характерной в этом отношении является эволюция, которую претерпела в восприятии французских военных и политиков проблема рейнских железных дорог. Французские военные рассматривали их на протяжении большей части 1920-х годов как коммуникации для потенциальной германской атаки на Францию. П. Тирар, человек, близкий к маршалу Фошу, занимавший пост председателя Межсоюзнической высокой комиссии в Рейнской области, в докладе 1927 года подчеркивал, что строительство новых путей и пополнение подвижного состава со стороны Немецкой железнодорожной

¹ Закон принят 1 апреля 1923 года.

компания напрямую связано с военными приготовлениями Германии (DBFP 1970: 422).

В первой половине 1920-х годов эта идея была далеко не чужда некоторым политическим деятелям. Ею были проникнуты доклад генерала Ш. Манжена, бывшего командующего 10-й оккупационной армией в Майнце, от 23 апреля 1923 года (Variety 1977: 231) и статья, написанная в 1925 году И. Ле Троке, бывшим министром общественных работ. Последний, в частности, отмечал: «Железные дороги Рура и Рейнской области в руках немцев, это постоянная угроза для Бельгии и Франции. Война возможна лишь в том случае, если Германия будет обладать полной свободой распоряжения своими железными дорогами» (Le Grosquet 1925: 286–287). Даже председатель Совета министров Эррио в июне 1924 года, направляясь на встречу с Макдональдом в Чекерс и буквально на ходу составляя план вопросов для обсуждения, не забыл упомянуть о проблеме рейнских железных дорог и возможности создания для них специального режима в рамках системы железных дорог Германии (Variety 1977: 378).

Во второй половине 1920-х годов ситуация меняется. Фактически вопрос о железных дорогах перестает восприниматься политиками, в том числе министром иностранных дел А. Брианом, как аспект военной безопасности. Скорее, вопрос начинает обсуждаться в коммерческом русле в рамках проблемы репараций. Характерно, что во время встречи Бриана с Г. Штреземаном в Туари в сентябре 1926 года речь шла о возможности досрочной эвакуации французских войск с немецкой территории в обмен на капитализацию облигаций железных дорог Германии (McFadyean 1930: 114). Хотя осуществить такую капитализацию на практике (скажем, путем продажи на рынке облигаций железных дорог) было весьма сложно, сам факт перемещения вопроса из военного в коммерческое русло весьма показателен.

На протяжении 1920-х годов менялось не только отношение политических деятелей к доводам военных, но и восприятие последними общей ситуации в Европе. Видимо, некоторые французские военные остались не чужды обаянию «духа Локарно», царившему во франко-германских отношениях во второй половине 1920-х годов. Правда, по одним свидетельствам, маршал Фош счи-

тал Локарно местом, где Штреземан облапошил (rouler) Бриана и О. Чемберлена (DBFP 1970: 417–418), по другим – его отношение к Локарнским соглашениям 1925 года отличалось большей симпатией. По свидетельству знакомого с ним Р. Рекули, которое было подтверждено генералом М. Вейганом, Фош говорил: «Так или иначе все ими довольны – Германия, Франция и даже Польша с Чехословакией. Это доказательство того, что они не так уж плохи. В любом случае они позволяют вздохнуть Европе, особенно же они дают молодым нациям, рожденным нашей победой, время для внутренней консолидации» (цит. по: Dessberg 2008).

Меняется к концу 1920-х годов и оценка угрозы со стороны германской армии. Характеризуя законы о французской армии, принятые в 1927–1928 годах, маршал Петен в статье в «Ревю де дёмонд» (1935 год) писал, что французская военная система «целиком основывалась на гипотезе, что наш возможный противник не способен в короткий срок выставить мощную армию, и на надежде, что при его приближении мы найдем время для подготовки» (цит. по: Тухачевский 1990: 168). Схожую точку зрения высказывали в декабре 1928 года и британские военные эксперты. Они писали, что Германия не способна «развязать агрессивную войну и, вероятно, даже защитить себя от атаки державы первого ранга (*first class Power*) в течение времени, достаточного для проведения мобилизации». Причиной тому считался недостаток необходимых вооружений и военных материалов (NAGB PRO, CAB/24/199).

Можно заметить, что оценка германской угрозы Петеном не совсем гармонирует с приведенными выше идеями самого Фоша, а также Тирара и Гийомá. Это позволяет взглянуть на еще один аспект, определявший восприятие того или иного факта как угрозы. Наряду с причинами технического, социально-культурного и психологического характера свою роль играли представления военных о потенциальной степени успеха наступательных либо оборонительных действий. Если Фош и его сторонники считали ключом к успеху именно наступательные действия армии, то Петен и сторонники его теории отмечали, что преимуществом в современной войне обладает обороняющаяся сторона. Как подчеркивали последние на страницах военных журналов, новейшая техника дает преимущество обороне: численность живой силы и техническое

обеспечение войск, занявших оборонительную позицию, может быть в два раза меньше сил атакующего; для «взламывания» хорошо подготовленной обороны противнику необходима огромная материальная часть (Bouchacourt 1926: 406–408). Оценки относительного преимущества наступления и обороны влияли на характер восприятия угрозы: сторонники наступления воспринимали угрозу как непосредственную и всегда актуальную, сторонники обороны считали временной интервал для реагирования на эту угрозу более значительным.

Наконец, важным параметром в оценке угроз является масштаб того объекта, о безопасности которого идет речь. Так, для Тирара и Гийомá ключевой проблемой было обеспечение безопасности оккупационных войск в Рейнской области, поэтому даже факторы локального масштаба (увеличение подвижного состава на железных дорогах) воспринимались ими как непосредственная угроза. Петен же основной считал проблему обеспечения безопасности мобилизации и развертывания вооруженных сил в военное время. Поэтому, чтобы явления оценивались как угрожающие, их масштаб должен был быть значительнее.

Модель селекции и реагирования на угрозы безопасности

Итак, французские военные на протяжении большей части 1920-х годов жили в постоянном предчувствии нового конфликта. Как отмечал генерал Э. Чарльз, глава департамента военного министерства Великобритании по разведке и военным операциям, «...французская армия рассматривает войну с Германией как обстоятельство менее отдаленное, чем мы в Англии склонны полагать. Французский разведывательный штаб также убежден, что Германия принимает и будет принимать все возможные средства и использовать каждую возможность для уклонения от ограничений, наложенных на ее армию Версальским договором» (DBFP 1970: 519).

Это не означает, что французские военные не понимали угроз безопасности, стоящих перед Францией в среднесрочной перспективе. Две такие ключевые угрозы – демографическая и экономическая слабость Франции перед лицом Германии – постоянно «маячили» у них перед глазами. Наиболее наглядным напоминанием о них было приближение 1935 года, с которого во Франции начина-

лись так называемые «оскудевшие призывы» – время, когда на военную службу призывались мужчины, родившиеся в годы Первой мировой войны. Однако на восприятие подобных угроз военными существенно влиял один факт – не в их компетенции и силах было что-то существенно изменить в демографическом и экономическом положении Франции. Конечно, военные поддерживали законодательные средства, направленные на повышение рождаемости (закон против использования противозачаточных средств 1920 года, усиление наказаний за аборт в 1923 году), но эффект этих мероприятий был незначительным (Borne, Dubief 1989: 198). Иными словами, военные осознавали наличие угроз в среднесрочной перспективе, но их внимание и, главное, практическая деятельность были сосредоточены на непосредственных угрозах.

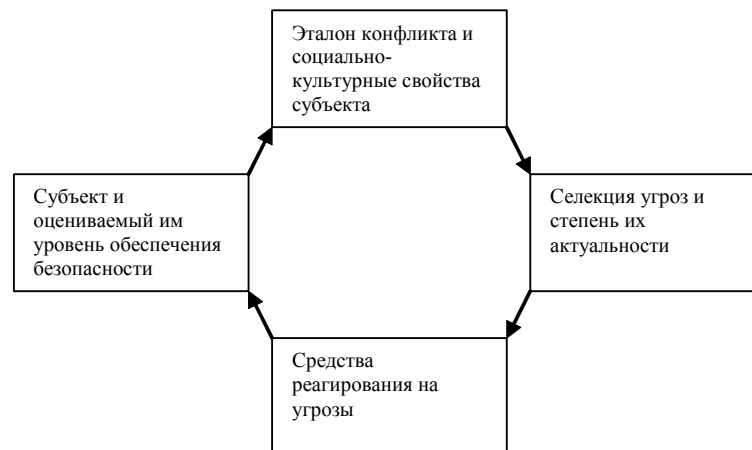
Каковы же причины того, что французские военные считали германскую угрозу в 1920-е годы не отдаленной, а существующей в самой краткосрочной перспективе? Из литературы и архивных источников можно почерпнуть три возможных ответа на этот вопрос. Первый дал британский политик лорд А. Бальфур в декабре 1924 года. На заседании Комитета имперской обороны, обсуждавшем проект Женевского протокола, он ясно выразил свою точку зрения: французские страхи неоправданны и глупы, мы имеем дело с людьми, у которых присутствуют «психологические расстройства» (NAGB PRO, CAB/24/172).

Второй вариант объяснения постоянных опасений французских военных дал человек из их собственной среды. Капитан А. Морель в 1924 году писал, что «...военный не знает “послевоенного времени”, он всегда находится в “предвоенном времени”... он готовит не прошлую войну, но ту, что придет в будущем» (Morel 1924: 391). Постоянное опасение войны, по его мнению, – это своего рода профессиональное качество военных.

Наконец, третий вариант ответа на поставленный вопрос можно почерпнуть из литературы по так называемой проблеме «баланса наступления и защиты» (*offense-defense balance*). Суть ее в том, что в те или иные исторические периоды в силу различных причин (военных, географических, социально-политических, дипломатических) наступательная или оборонительная стратегия имеют неравные шансы на успех и сопряжены с неравной затратой ресурсов. По мнению

американского исследователя С. Ван Эверы, в Европе завоевание одним государством другого было затруднительным и оборонительная стратегия имела преимущества в периоды 1815–1856, 1871–1920, 1945–1990 годов. Напротив, завоевание было легким и преимуществом обладала наступательная стратегия в 1789–1815, 1856–1871, 1930–1945 годах (Van Evera 1999: 169). Доминирование нападения или защиты влияет на характер восприятия угроз. В целом в периоды доминирования нападения государства более остро воспринимают внешние угрозы и используют более агрессивные внешнеполитические стратегии (*Ibid.*: ch. 6). Хотя теория баланса нападения и защиты не раз подвергалась критике (во многом, на наш взгляд, справедливой), в случае некоторой модификации теории – не анализ преимущества нападения и защиты как таковых, а изучение точек зрения военных, считавших, что преимуществом обладает наступление или защита, – она может нам помочь. Как мы видели на примере сравнения восприятия угроз Петеном и Фошем, ее выводы подтверждаются историческими свидетельствами.

Несмотря на то что каждое из предложенных объяснений может быть в чем-то полезно², они не дают представления о вопросе в целом. Предложим собственную модель, характеризующую механизм селекции угроз и реагирования на них французскими военными в 1920-е годы.

² Даже суждение лорда А. Бальфура ценно тем, что демонстрирует, насколько сложным было подчас достижение взаимопонимания между французскими и британскими политиками.

Данная схема отображает условный алгоритм, по которому тот или иной субъект (в нашем случае французские военные в 1920-е годы) приходит к отбору определенных явлений как угроз и выбору средств реагирования на них. Базовыми единицами анализа являются сам субъект и оцениваемый им уровень собственной безопасности. Иными словами, первоначально субъект должен ответить на вопрос: в какой степени он ощущает либо не ощущает себя в безопасности? Ответ французских военных ясен: в 1920-е годы они считали, что безопасность Франции не обеспечена должным образом. Другое дело, что под безопасностью могли пониматься самые разные объекты: от оккупационных войск на Рейне до основных элементов французской военной системы (процесс мобилизации и его прикрытие).

Ответ на вопрос об уровне безопасности сам по себе не дает возможности понять, почему в качестве угроз воспринимались одни явления, а не другие. На характер этого восприятия ключевое влияние оказывали два фактора: эталон конфликта и социально-культурные и психологические характеристики самих французских военных. Эталоном конфликта для них выступала Первая мировая война – образец тотальной войны, требовавшей мобилизации всех ресурсов государства. Эти ресурсы можно подразделить на три ключевые группы: экономические, «поставляемые» промышленными комплексами государств; людские, «поставляемые» системой «вооруженной нации»; моральные, «поставляемые» национализмом. Любое наращивание Германией этих видов ресурсов воспринималось как потенциальная угроза – отсюда опасения французских военных по поводу не только демографического и экономического превосходства Германии, но и роста националистических движений. Наконец, огромную роль играли и социально-культурные установки самих военных – они воспринимали угрозу нападения германской армии и ее перевооружения в свете концепций о роли профессиональной армии, о значении срока службы в один год и общих представлений о том, кто такие немцы и чего от них стоит ожидать.

Исходя из представляемого эталона конфликта и собственных социально-культурных установок, французские военные определяли явления, воспринимавшиеся как угрозы. Ключевым в данном

случае является тот факт, что селекция определенных явлений как угроз напрямую задает степень их актуальности. Так, если воспринимать в качестве угрозы увеличение подвижного состава на рейнских железных дорогах или увеличение численности спортивных обществ в Германии, то подобные угрозы постоянно будут актуальными, непосредственными и требующими реагирования именно в данный момент. Подобная селекция угроз не дает возможности считать их актуальными не в краткосрочной, а, скажем, в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Наконец, селекция угроз и определение степени их актуальности определяют выбор средств реагирования. Ощущение постоянных непосредственных угроз толкало французских военных к поиску средств обеспечения безопасности, которые могли бы принести плоды не через 10–15 лет, к чему стремились французские политики, а именно сейчас. Ключевым средством было поддержание военного превосходства над Германией. Отсюда можно сделать вывод, что французские военные, осознавая демографическую и экономическую слабость Франции в среднесрочной и долгосрочной перспективах, хотели «подменить» эту слабость поддержанием постоянного преимущества в краткосрочной перспективе за счет военной мощи перед лицом разоруженной Германии. Французские военные жили, постоянно «глядя на часы», ведь военное превосходство Франции могло исчезнуть в очень короткие сроки – оно требовало неусыпной бдительности и напряженности, повсечасного контроля над тем, что происходит за Рейном. Ощущение цейтнота в сочетании с представлениями о неизменном коварстве немцев, которым нельзя доверять и которые понимают только силу, сказывалось в свою очередь на их оценке уровня обеспечения безопасности – первичного элемента предложенной нами модели. Тем самым алгоритм завершался и одновременно начинался сначала.

Таким образом, предложенная модель селекции и реагирования на угрозы безопасности, которая рассмотрена на примере французских военных в 1920-е годы, демонстрирует, как тесно взаимосвязаны оценка уровня обеспечения безопасности тем или иным субъектом и его собственные действия по отбору угроз и средств реагирования на них. Те явления, которые французские военные воспринимали как угрозы, и те средства, которые они выбирали для

реагирования на них, лишь подкрепляли тревогу. Модель «самоисполняющегося пророчества» Р. Мертона работает в данном случае весьма неплохо.

История французской военной элиты в 1920-е годы также демонстрирует, что ощущение постоянной опасности не гарантирует того, что в нужный момент угроза будет с успехом отражена. Скорее, стресс и страх, сопровождающие подобное ощущение, являются препятствием для улучшения отношений между государствами и развития их сотрудничества. История Европы в 1920-е годы показывает, что преодоление подобного страха и трансформация военной психологии и образа мышления исторических субъектов далеко не моментально следуют за формальным завершением войны. Если юридически война завершилась в 1918 году, то в сознании западных европейцев она временно окончилась лишь во второй половине 1920-х годов, с кратковременным приходом в Европу «духа Локарно» и «эры пацифизма».

Литература

Аллео. Воздушная мощь и сухопутные вооруженные силы. М.: Воениздат, 1936.

Горлов, С. А. 2001. *Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг.* М.: ОЛМА-ПРЕСС.

Де Голль, Ш. 1935. *Профессиональная армия.* М.: Воениздат.

Кантор, Ю. З. 2009. *Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы.* СПб.: Питер.

Ллойд Джордж, Д.

1957. *Правда о мирных договорах:* в 2 т. Т. 1. М.: Ин. лит-ра.

2009. *Мир ли это? Европейский кризис 1922–1923 годов.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

Магадеев, И. Э.

2010а. Военная доктрина и ее реализация на практике: проблема контроля за личным составом во французской армии 1920-х гг. В: *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць.* Харків: ХНУ, с. 69–76.

2010б. Как контролировать призывников? Пацифизм и коммунистическая пропаганда во французской армии 1920-х гг. В: Белоусов, С. В.

(ред.), *Вестник военно-исторических исследований: Международный сборник научных трудов*. Пенза: ГУМНИЦ, с. 96–103.

Никонова, С. В. 1977. *Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг.* М.: Наука.

Тардьё, А. 1943. *Мир*. М.: Госполитиздат.

Татарченко, Е. И. 1923. *Воздушный флот Британской империи*. М.: Военный вестник.

Тухачевский, М. Н. 1990. Военные планы Гитлера. *Известия ЦК КПСС* 1: 160–169.

Фрише, К. 2009. *Воздушный стрелок. Сквозь зенитный огонь*. М.: Яуза-Пресс.

Эррио, Э. 1958. *Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936*. М.: Ин. лит-ра.

Baldwin, D. 1997. The Concept of Security. *Review of International Studies* 23: 5–26.

Barièty, J. 1977. *Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale*. Paris: Pedone.

Barros, A. 2003. Les dangers du sport et de l'éducation physique. Une évaluation des forces allemandes par le Deuxième Bureau français. *Guerres mondiales et conflits contemporains* 119: 113–123.

Borne, D., Dubief, H. 1989. *La crise des années 30, 1929–1938*. Paris: Seuil.

Bouchacourt. 1926. L'infanterie dans la bataille. *Revue d'infanterie* 69: 381–411.

Corvisier, A. (dir.) 1992. *Histoire militaire de la France*. Vol. 3. Paris: PUF.

Dessberg, F. 2008. La pensée et les projets stratégiques du maréchal Foch en Europe centrale et orientale (1919–1929). *Ferdinand Foch. «Apprenez à penser»*. Colloque internationale. 6–7 novembre 2008. URL: http://www.st-cyr.terre.defense.gouv.fr/ressources/10250/89/la_pens_e_et_les_projets_strat_giques_du_mar_chal_foch_en_eu.pdf. Дата доступа: 15.12.2010.

Documents diplomatiques français (DDF). 1997. T. I. 1920. Paris: Peter Lang.

Documents on British Foreign Policy (DBFP). 1970. Series Ia. Vol. III. London: HMSO.

Evans, G., Newnham, J. 1998. *Dictionary of International Relations*. London: Penguin Books.

Jackson, P.

2004. The French Military and the Problem of Disarmament Between the Two World Wars. *Papers Presented at the Annual Meeting of the International Studies Association*. Montreal. URL: http://www.allacademic.com/meta/p73845_index.html. Дата доступа: 24.12.2010.

2008. Pierre Bourdieu, the «Cultural Turn» and the Practice of International History. *Review of International Studies* 34: 155–181.

Kieger, J. F. V. 1998. Raymond Poincaré and the Ruhr Crisis. In Boyce, R. (ed.), *French Foreign and Defence Policy, 1918–1940. The Decline and Fall of a Great Power*. London: Routledge, pp. 49–70.

Kier, E. 1996. Culture and French Military Doctrine before World War II. In Katzenstein, P. (ed.), *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press, pp. 186–215.

Le congrès de Tours. 1964. Paris: Julliard.

Les opérations de couverture. 1924. *Revue militaire française* 36: 353–388.

Le Trocquer, Y. 1925. Les chemins de fer en Allemagne occupée et la paix. *Revue des deux mondes* 26: 269–289.

McFadyean, A. 1930. *Reparation Reviewed*. London: Ernest Benn, Ltd.

Morel, H. 1924. Éloge du dogmatisme militaire. *Revue militaire française* 36: 388–398.

Morgan, K. 2009. Militarism and Anti-Militarism: Socialists, Communists and Conscription in France and Britain 1900–1940. *Past and Present* 202: 207–244.

National Archives of Great Britain. Public Record Office (**NAGB PRO**).

CAB/24/96. Baltic Letter No. 580 to the Admiralty and Commander-in-Chief, Atlantic. 31 December 1919.

CAB/24/103. Violations of Peace Treaty by Germany, Memorandum by the General Staff. 7 April, 1920.

CAB/24/108. Report on the Execution of the Military Articles of the Peace Treaty with Germany. Annex No. 8. Memorandum from the Allied Military Committee, of 19th June 1920.

CAB/24/171. Note of Visit to America by Lord Cecil. January 12, 1925.

CAB/24/172. Committee of Imperial Defence. Minutes of the 192nd Meeting. December 16, 1924.

CAB/24/199. The Military Situation in Germany. December 1928.

CAB/24/220. Military Appreciation of the Situation in Europe. March 1931.

Nouvelles militaires de l'étranger. 1926. *Revue d'infanterie* 69: 254–262.

Orr, A. 2007. *Mental Maginot Lines: Anti-Republicanism, Gender, and Voting Rights in the Politics of the French Army, 1871–1940*. Ph. D. Dissertation. Notre Dame: University of Notre Dame.

Rebour. 1925. La question des effectifs. *Revue des deux mondes* 26: 561–579.

Schumann, D. 2009. *Political Violence in the Weimar Republic, 1918–1933: Fight for the Streets and Fear of Civil War*. New York: Oxford University Press.

Van Evera, S. 1999. *Causes of War. Power and Roots of Conflict*. Ithaca: Cornell University Press.